

Портрет с голубыми глазами («так это было»)

*Я помню тот Ванинский порт ...Будь проклята ты, Колыма,
И вид пароходов угрюмый. Что названа Чудной Планетой.
Как шли мы по трапу на борт Сойдешь поневоле с ума,
В холодные мрачные трюмы. Обратно дороги уж нету...*

1.

После вчерашнего утром сильно мутило. Надо было прешить, как «лечиться» — бассейном или традиционно. Мои тяжелые раздумья прервал звонок в дверь. На площадке, опираясь на палку, стоял худой мужчина с серым лицом в оспинах, в выдавшем виды плаще и с потертым фибровым чемоданом.

— Хохлов Николай? — У мужчины был колючий немигающий взгляд.

— Он самый. Чем обязан?

— Коля, брат. Я Сергей... Пустишь? — Гость плечом отгеснил меня и прислонил палку к стене. — На кухню?

Он деловито разместил чемодан на стуле и вынул длинный предмет в мешковине. Я напряженно смотрел на эти манипуляции. Гость не был похож на проходимца, какими богата еще земля российская.

...Последний раз я видел Сергея сорок лет назад, они с отцом поднимались по трапу на борт «Советской Колымы». В первую годовщину Победы теплоход открывал навигацию из бухты Нагаево. Хлопья мокрого снега залепляли глаза. Мы стояли с мамой Ниной на пирсе, она держала руки у меня на плечах и шептала: «Деточка, деточка». С прощальным гудком теплохода, донесшимся из снежной пелены, наши с Сергеем пути разошлись. Тогда нам было по десять лет, и я еще не знал, что он мне вовсе не брат, а отец — не отец.

С мамой Ниной мы вернулись в ее маленькую комнату на втором этаже деревянного дома. Весь вечер она перебирала вещи и вздыхала: «Деточка, деточка». Так и обращалась она ко мне, пока летом пятьдесят третьего страна не узнала, что Берия [1] — агент империализма. Спустя месяц мама Нина села рядом со мной на диван: «Теперь ты взрослый и должен знать правду». Она говорила, не глядя на меня, а когда смолкла, разрыдалась.

Нина Хохлова закончила филологический факультет Московского университета в 1932 году и работала преподавателем русского языка и литературы в московской школе. На автобусной остановке она познакомилась с начальником смены Метростроя Александром Халиным.

«Какие красивые купола», — кивнул в сторону церкви Саша. «Правильно говорить купола», — поправила его Нина и улыбнулась. Потом они вместе, касаясь друг друга, ехали в переполненном автобусе. Он смотрел в ее глаза и готов был ехать с ней хоть на край света. Через месяц решили пожениться — Саша ждал служебную комнату. Но летом тридцать восьмого его арестовали по обвинению в подготовке взрыва в московском метро. И Саша поехал на край света без Нины в товарном вагоне с решеткой.

...В пятьдесят четвертом на выпускном вечере мне вручили аттестат зрелости. Повертев его в руках, мама Нина сказала, что поступать будем в Московский инженерно-физический институт, куда берут только с приличной анкетой. И потому нужно переделать документы, а фамилию, с которой я ходил по колымской земле, в Москве забыть навсегда. Целый год мы готовились к вступительным экзаменам. Летом пятьдесят пятого в полузакрытом институте, размещавшемся в самом центре Москвы, появился студент Николай Хохлов. В институте готовили кадры для создававшейся в СССР атомной промышленности.

Я жил в общежитии и аккуратно писал обстоятельные письма маме Нине. Магадан, бухта Нагаево, река Каменушка с ледяной водой, красавица Милочка Дахно и ее длинная черная коса снились все реже и реже. Много лет спустя, в поезде, я случайно оказался в одном купе с младшим братом Милочки. Мы проговорили всю ночь, я взял ее адрес, написал... Ответа не получил. ...Время!

Мама Нина лишь однажды приезжала в столицу, ко мне на свадьбу. Привезла колымские сувениры, фигурки людей и зверей, вырезанные из бивней моржа, мягкие тапочки, сшитые из шкурки нерпы, и альбом с фотографиями, а предложение стать московской бабушкой отвергла:

— Слишком много знаю, таким нельзя на материк. Долг неоплатный у меня, сынуля, перед моей Колымой. Все не расскажешь... так сразу. Молодежи этого не понять, и слава богу!

Когда мама Нина узнала, что моя половина искусствовед, и ее специальность «портрет в мировой живописи», и к тому же говорит по-французски, обрадовалась: «Кольке надо культуры поднабраться. Он же технарь — Массне от Мопассана не отличит».

Накануне своего отъезда мама Нина предложила мне проветриться. Мы долго гуляли по вечерней Москве. Когда перешли Крымский мост, она сказала:

— Не думала, что моя жизнь будет такой. У меня жених был. А я на Колыму угодила. Мост для всех москвичей только открыли, и мы с Сашей собирались открыть свою жизнь вдвоем... Похоже, с женой ты не промахнулся... Маму помнишь?

— У меня их целых две.

Много чего поведала во время этой прогулки мама Нина. А уже на лестнице, перед входной дверью, положила мне руку на плечо:

— Колыма — это особая планета. Пока хожу, помогать оставшимся в живых буду... А про Надю, что жизнь тебе дала, только Стендаль написать бы мог. Такое испытать не всем дано... Пусть у тебя все будет без беды... За это уже заплачено...

Она писала мне длинные красивые письма, иногда звонила и просила оказать услугу какому-нибудь колымчанину. В семьдесят седьмом колымская земля приняла ее, на похоронах был весь город. На поминках ко мне подошла худющая женщина в парике, с желтовато-серым лицом и вставными металлическими зубами. Она вынула изо рта сигарету, зажав ее большим и указательным пальцами:

— Говорила Нине, хоть пару лет пожила бы в Крыму... — Женщина долго кашляла, от чего ее лицо передегивала гримаса, потом глубоко вздохнула, сплюнула в платок и махнула рукой. — Прочтешь, когда один будешь. Там все правда. Не суди с листа. — Она вытащила из сумки конверт и протянула мне.

«Дорогой сынуля, ты читаешь эти строки, значит, приехал проводить меня. Жизнь дает Бог и забирает Бог. Уходя, каждый нормальный человек надеется, что не принес людям беды. У каждого

есть часы и дни, которые он унесет в вечность с собой, они неинтересны другим. Но есть минуты, когда он поступил или вынужден был в силу обстоятельств поступить так, что потом, по прошествии времени, люди или он сам оценят это как слабость. Такая минута была и у меня! Когда Сашу, жениха моего, взяли, у меня рухнуло все. Свет стал не мил. Мы любили друг друга. Я подала заявление, чтобы уехать по “северному контракту” в Магадан и встретить Сашу после освобождения. Это ты знаешь! А дальше...

Перед самым отъездом меня вызвали. В кабинете меня встретил высокий приятный мужчина. Он сказал, что им известны мотивы моего отъезда, и они будут мне помогать, если я соглашусь сотрудничать. В противном случае, хоть брак и не был оформлен, я могу поехать вслед за Сашей в товарном вагоне с решеткой. Я не знала, что делать, и подписала бумагу. Содержание ее толком не понимала — слова и буквы плыли перед глазами. Вадим, так он назвался, назначил мне встречу для инструктажа. Когда я пришла туда, сразу поняла, ЧТО, кроме инструкций, будет... Я предала Сашу. Как в тумане, приходила туда несколько раз. Вадим дал мне письмо в управление кадров Дальстроя, в котором было предписано оказать мне содействие в скорейшем оформлении на работу. В Магадане начальник управления кадров сказал, что меня направляют в магаданский загс. Так началась моя вторая жизнь. Но поверь, сынок, я не принесла людям беды, ведь сообщала то, что знали и без меня. Как иначе я могла поступить, кто бы встретил моего Сашу, думала я. И скорее всего, ты бы не стал тем, кем я гордилась. Прости и пойми».

...Было ясно — бассейн отменяется, и есть повод обратиться к традиционному лечению. Я достал граненые стаканы, которые использовались только при «лечении», запотевший штоф со «Столичной» [2], квашеную капусту и закуску, что попалась на глаза. Гость не обращал внимания на мою суету. Он аккуратно выпростал из мешковины рулон пожелтевшей клеенки. Убрав все находившееся на столе на подоконник, он развернул рулон. Только теперь я увидел, что кисти и запястья его рук были сплошь покрыты татуировкой.

С клеенки улыбались два малыша. Двойной портрет был выполнен маслом и, бесспорно, профессиональной рукой: об этом можно было судить по ракурсу лиц, расположению фигур на поле картины и уравновешенной цветовой гамме. Красочный слой был покрыт мелкой сеткой трещин. В некоторых местах, особенно на краях поля, краска отслоилась, но глаза малышей были удивительно живыми. Я про себя возгордился своей экспертизой: вот что значит много лет делить ложе с доктором искусствоведения. Портрет показался знакомым, в семейном альбоме было что-то похожее.

— Это ты, а это я, — ткнул дважды в клеенку указательным пальцем с изуродованным ногтем Сергей. Среднего и безымянного пальцев на руке у него не было.

Поймав мой взгляд, Сергей сжал оставшиеся пальцы в кулак.

— На лесоповале бензопилой... Не случайно! — Он хихикнул. Рука его затряслась.

— А почему у меня глаза голубые? — спросил я.

— Расскажу, это длинная история.

Я принес альбом. Сомнений быть не могло — это Сергей!

— Ну что, за встречу! — Я поднял штоф.

— Нельзя, совсем нельзя, брат, но ради такого дела... — Сергей пил медленно, лицо его постепенно багровело. — Прости меня, Коля! — Он поставил стакан на стол, руки его дрожали.

— Это ты меня прости, я не знал... Мама Нина говорила, что ты вместе с отцом на Курилах... во время урагана...

— Нет, отец один на Курилах был...

— Ну? — Я налил снова.

— Давай! — махнул рукой Сергей. — Когда второй раз с зоны вернулся, адрес тети Нины разыскал и написал ей.

— Ты сидел? За что?

— Это долгая песня... Столько лет думал о нашей встрече, лучше по порядку... — Сергей говорил медленно. — Как по трапу поднялись, вниз посмотрел, в толпе никого не различить, снег валил... Отец сказал, что ты позже с тетей Ниной приедешь, как устроимся. Куда, зачем плывем? Мы у дяди Жени, брата отца, во Владике [З] жили. Отец сразу подался на Курилы, мы даже толком не попрощались. Через полгода его не стало. Я уже потом узнал, что никакого урагана не было. Отца поставили председателем какой-то государственной комиссии, они чего-то отнимали у местных япошек, там рыбацкие поселки ихние были. Косоглазые и кокнули его вместе с катером. Только одно письмо прислал, здесь оно, — Сергей кивнул на чемодан. — Дядька с контузией после войны вернулся, по ночам у него припадки были. А женился на молодухе-официантке. Короче, припутал я ее с хахалем. Конечно, молчал, но она цепляться ко мне стала. Я и попросил дядьку устроить меня в мореходку, он в порту продбазой рулил. После мореходки мотористом на буксире два года ходил, прилично зарабатывал. — Сергей пьянел на глазах, речь его менялась. — Дядька посулил меня на загранку оформить, он в авторитете был. В портовом ресторане с матросней отмечали это дело. Кто-то

за столом вякнул, что, мол, если так каждый день, то х... с ней, с советской властью, пусть будет. Стукнул на меня один бодрячок по завидке. А дядька в больнице. По малолетке я хорохориться стал, мне и впаяли красненькую [4]. Вышел, денег нет, работы нет. Чифирь [5] гонял по полдня. К дядьке не пошел — стыдно было! С одной шмарой портовой в Находке жил. Где чего подкальмить — за все брался, она и предложила в дело войти. С уркой одним познакомила. — Сергей отхлебнул из стакана, посмотрел на него, почмокал и сощурился. — Ладная микстура! Ну и спекся, уже по уголовке. Как жизнь устроена, мы с тобой братья, а я с ним... Как близнецы [6] пошли на кич [7], по новой на Волю вышел, кроме наколок ничего, ни кола ни двора. Хоть в бичи оформляйся... Почему блатные на зоне в силе? Они всегда кагалом, а остальные в клоунах [8] ходят. Я гордыню в очко и к дядьке. Он уже лежачий был. От него все и узнал, он клеенку эту и купюр дал. Во Владике тогда бывших зэков [9] не прописывали, закрытый город был. Грузчиком на судоремонтный в Находке взяли... Видать, беда за мной ходила, трубу уронили... В инвалиды зачислили. А там все болячки лагерные поднялись. Сам понимаешь, зона не санаторий, от хавки ливер по ночам ворочается! Курносая [10] в окно заглядывать стала... Адрес тети Нины смог достать и написал... Не жаловался, не просил, а так, проинформировал... — Сергей криво усмехнулся. — Ответку, как Волю, ждал... Получил, а там... ну короче, чтоб я к тебе не вязался, ты, мол, человек государственный и недоступный...

Вечером в субботу Сергей попросил отвезти его к знаменитому большому серому Дому на набережной [11], рядом с кинотеатром «Ударник».

— Поручение одного довоенного командира надо исполнить, — сказал он задумчиво.

Пока Сергея не было, я вышел из машины. На стене сплошь мемориальные доски. Сатрапы и жертвы, об-

личители и молчуны — теперь все рядом. Минут через двадцать Сергей вернулся. Он не смотрел в мою сторону.

— Простите меня, Владимир Иванович. Раньше не мог. — Глаза его блестели. Говорил, словно молился, тихо и однотонно. — Виноват, Владимир Иванович, припозднился чуток. — Сергей поклонился стене дома и закрыл лицо руками.

На обратном пути мы молчали. Воскресенье провели вместе, и почти не говорили. Жена задержалась у внука. Это было так кстати. В понедельник я отвез Сергея на Каширку, в Онкологический центр. Через месяц его не стало.

Который раз я перечитывал письмо, которое мне дал Сергей:

«Дорогой сын, сна нет. Шумит океан. Здесь такие огромные волны. Порой кажется, что они перехлестнут остров. Думаю и думаю, почему сейчас не могу тебе все рассказать. Поверь, сынок, я честен перед тобой. Время должно пройти, ты вырастешь и поймешь. Сейчас я не могу тебя взять к себе, здесь нет школы. Учись, сынок, без этого нельзя. При первой возможности приеду. Если со мной что случится, тебе все расскажет дядя Женя. Помни, сын, земля на мужиках держится. Папа».

Ночью не спалось. Как в калейдоскопе, заслоня друг друга, вспыхивали и исчезали картинки «моей» Колымы. Мне вспомнилась наша последняя прогулка с мамой Ниной по вечерней Москве. Она тогда поведала мне то, что позволено знать только взрослому мужчине. Кого и по каким счетам обязывает платить Судьба — только богу знать положено. Но то, что Судьба строга была с обеими мамами — это факт.

...Перед войной мы с мамой и братом Сергеем жили в Москве, на Арбате, напротив знаменитого фотоате-

лье Наппельбаума [12]. Наша мама, Надежда Мионовна, до замужества училась в Московской консерватории. Но однажды ее преподаватель по вокалу сказал, что петь она будет, но Большой театр ее не ждет. Амбициозная студентка ушла из консерватории. Ее надежды на большую сцену рухнули, а петь в кинотеатрах перед сеансами она не хотела. Случайная встреча с Владимиром Михалевым, который, отучившись в Германии на инженера-металлурга, вернулся в Москву, помогла ей прийти в себя. Через полгода Михалев сделал Надежде предложение, и она переехала в его арбатскую квартиру. Отец, Владимир Андреевич Михалев, раз в месяц приезжал к нам, он был главным инженером металлургического завода. Все считали, что мы с Сергеем двойняшки: брат был похож на отца, я — на мать. Мама была очень красивой женщиной. У отца была на заводе подруга, которая родила ему сына Сергея. Летом тридцать шестого ее арестовали, и отец привез шестимесячного братика в Москву. Так случилось, что мы оба родились в феврале тридцать шестого. У мамы не было грудного молока. После ухода из консерватории она стала курить, и мы с Сергеем были «искусственниками».

Однажды отец привел домой Курта Зайфеля, с которым учился в Германии. Зайфель был из музыкальной семьи, его отец пел в Берлинской опере. Когда отца направили в Запорожье, Зайфель стал чаще появляться у нас в доме. Понятно, чем визиты Зайфеля могли грозить Михалевым. Беду от семьи отвел комиссар госбезопасности Николай Берзарин, ставший после прихода Берии в центральный аппарат НКВД одним из доверенных лиц всемогущего наркома.

Это то, что поведала мне мама Нина. Все дальнейшее, как я себе представляю, помню, слышал от колымчан, которых присылала мне она.

2.

...По воскресеньям Надежда выходит из дома, сворачивает в переулок, где ее ждет черная «эмка» с занавешенными стеклами, чтобы отвезти на оперативную квартиру. Заждался комиссар. Он в штатском, без галстука, на столе шампанское и ее любимые белые розы, сорок одна штука, по числу дней, которые понадобились комиссару, чтобы разыскать Надежду после того, как он увидел ее в вестибюле Большого театра.

Надя садится за пианино. Берзарин становится у нее за спиной и кладет руки ей на плечи. Женщина закрывает глаза и прижимается щекой к руке комиссара.

— Пойми, мне очень тяжело. Кто я? Одному жена не жена, другому наложница воскресная. Сколько мне еще обманывать Михалева: то цистит, то месячные по две недели?

— Не сердись, солнце мое. Ты ведь знаешь, кто я. Время нужно. Только будь осторожна: ни с кем, нигде, даже дома не обсуждай политику партии. Ты не представляешь, сколько врагов кругом.

— А откуда эти враги взялись в таком количестве?

— Надюша, любовь моя, верь мне. — Берзарин расстегивает ей блузку.

Потом она лежит с закрытыми глазами. «Счастье, почему же оно так запретно? Бог накажет меня, я чувствую... Боже, помоги, спаси меня... в пропасть проваливаюсь».

— Хочу тебе сказать одну вещь, но она должна умереть здесь. Михалева включают в список. — Надежда вздрогнула и открыла глаза. — Спокойно. Я помогу оформить северный контракт по линии Дальстроя. Сейчас главное с глаз долой, а Колыма — это наша епархия. Срочно выедешь к нему. Предупредишь, чтоб молчал. — Иначе ни его, ни тебя... да и...

— Чушь какая! Какой Михалев враг? Что происходит?

— А кто учился в Германии, кто посоветовал пригласить Курта Зайфеля в наркомат? Лучше обними меня и не задавай вопросов.

В июле тридцать девятого в техническом отделе «Дальстроя» Владимир Андреевич Михалев приступил к обязанностям старшего инженера-инспектора по оборудованию приисков, разбросанных вдоль всей колымской трассы. На Колыме ее величают уважительно — «Трасса». Это спинной хребет и главная артерия Колымы.

Только год оставался до начала войны. Надя больше не виделась с Берзариним. Он хорошо понимал: «Ведь если Надежда останется в Москве, то непременно найдутся желающие сообщить кому следует об его отношениях с женой врага народа. И вся история с отправкой Михалева на Колыму откроется. Есть только один путь: порвать под каким-либо предлогом отношения с Надеждой, не препятствовать, а способствовать ее отъезду к мужу на Колыму... Артистическая натура, она слишком наивна и эмоциональна, чтобы понять действительное положение дел. И не надо ничего ей объяснять, надо просто исчезнуть... В жизни бывают ситуации, когда рвущая сердце жертва — единственный выход».

Третий месяц не было вестей от Берзарина, зато от Михалева шел поток писем и телеграмм, он ждал жену с детьми. После многих бессонных ночей Надя посылает мужу короткую телеграмму: «ВСТРЕЧАЙ В СЕНТЯБРЕ». Перед отъездом она отводит детей в фотоателье Наппельбаума. Знаменитый мастер долго усаживал мальчиков и менял свет, прежде чем сделал снимок.

Бухта Нагаево встретила их мокрым снегом. Радостный отец подхватывает на руки сыновей:

— Вы, мои архаровцы [13] дорогие!

Семья Михалевых живет в самом центре Магадана на улице Сталина, рядом с красавицей-школой. Напротив Дом культуры со скульптурами рабочего, пограничника, колхозницы, охотника на крыше и особняк Коржева за высоким зеленым забором. Когда открываются ворота, выезжает черный «паккард» с никелированными клаксонами и откидывающимся бежевым верхом. Кто на Колыме не знает этот кабриолет? Не дай бог ему не уступить дорогу на Трассе, которая начинается сразу за зеленой почтой, перед мостом через Магаданку! А там огромное поле, ирисы в начале июня и голавли в ледяной воде. Ребята постарше их острогами бьют.

В предвоенные годы и до конца сороковых на Колыме был только один Хозяин — начальник Дальстроя, комиссар госбезопасности Коржев. На колымских приисках работали сотни тысяч репрессированных. Во время войны добываемое на Колыме золото играло важную роль в закупках вооружений. В кругу самых приближенных Коржев любил подчеркнуть, что над ним только Берия и Сам.

Надежда Михалева — постоянный читатель в городской библиотеке, которая размещается на первом этаже Дома культуры. Обычно ребята ждут маму у входа. Сегодня она вышла вместе с незнакомой женщиной.

— Вот мои бандиты. — Надя положила руки ребятам на головы.

— Хорошие бандиты! Пойдемте ко мне чай пить. У меня пирог с жимолостью, — приветливо улыбается женщина.

Сообщение о начале войны семья Михалевых получила от водителя, примчавшегося на «газике». Первый и последний раз семья в полном составе отдыхала на берегу спокойной бухты Гертнера. Водитель отчаянно махал руками с обрыва. Отец быстро поднялся к нему, а когда вернулся, сказал: «Все. Война!»

Теперь Михалев редко бывает дома, он на Трассе. Вечерами часто заходит тетя Нина. Сережа прислушивался к разговору женщин, почему-то тетя Нина называет отца «Владимир Андреевич», а мама — «Михалев».

В самолете Коржева знобило. Прошло четыре часа, как он вышел из кабинета Берии. В первый раз нарком не поздоровался и не предложил сесть. Когда нарком снял пенсне и начал протирать стекла, Коржев даже подумал, что это конец. Но нарком вышел из-за стола: «Не будет золота, нас с тобой не будет... Делай что хочешь: стреляй, лопату сам бери, но золото дай». По вертушке он вызвал заместителя.

— Надо готовить крупные партии заключенных на Колыму, обязательно с учетом сроков навигации. Мне докладывать лично каждую неделю. — Берия повернулся к Коржеву: — Стесняться не надо, расстрел за контрреволюционный саботаж хорошо остальных дисциплинирует.

На ночном совещании Хозяину доложили об успешном проведении трех показательных акций на приисках, во время которых по обвинению в контрреволюционном саботаже было расстреляно несколько сот заключенных.

— Это хорошо. — Коржев постучал карандашом по столу. — Нам нужен опытный специалист, знакомый с организацией производства. А вам волю дай — всех перестреляете, кто золото мыть будет?

— Товарищ комиссар, есть тут один спец, бывший главный инженер металлургического завода, — встает начальник техотдела.

— А как он здесь оказался? Освобожденный? — Коржев, прищурившись, посмотрел на него.

— По контракту, товарищ комиссар, — вскакивает начальник управления кадров.

— Я пару часов вздремну на диване. Этого инженера ко мне. Хорошо, что главный, дело организовать сумеет.

В пять утра адъютант Коржева вводит Михалева в кабинет Хозяина. Через два часа отец выезжает на Трассу. У него приказ — через десять дней доложить о предполагаемых мерах по увеличению добычи золота.

Похудевший и осунувшийся от бессонных ночей и увиденного, Михалев в кабинете Хозяина.

— Ну, что придумал, главный инженер?

— Это план мероприятий. — Михалев протягивает пару листков.

— Коротко, значит по делу... Завтра в десять у меня. Доложишь подробно.

Утром Коржев, не перебивая, слушал Михалева, потом постучал карандашом по столу:

— Тут сообщили — авария на прииске. Драга встала. Начальник прииска просит санкцию на расстрел по обвинению в контрреволюционном саботаже. Поезжай, разберись. По рации доложишь.

К вечеру Михалев был на прииске. Необходим новый двигатель, который можно доставить самолетом из Хабаровска, что займет минимум пять суток, а с учетом погодных условий и все десять. К Михалеву, непрерывно кашляя, подходит ээк: красные пятна на лице, сиплый простуженный голос.

— Начальник, там в бараке человек есть, он может сделать.

— Приведите.

Под руки к Михалеву подводят ээка, больше похожего на жердь, ростом под два метра, а весом не более сорока килограммов. Глаза и обтянутые желтой кожей скулы. Он в незашнурованных ботинках, грязные, в бурых пятнах портянки волочатся по земле.

— Начальник, я к утру запущу... С условием... Мне все одно амба, пугать меня не надо. Дубарь [14] сегодня... или завтра... какая разница!

— Кто вы и какое условие?

— Профессор Долгин, был завкафедрой электрических машин, член-корреспондент Академии наук... Ставлю на кон Жизнь: почию — Воля, не почию — Пуля.

— Согласен. — Михалев рукой останавливает начальника лагеря, который расстегнул кобуру.

Через три часа двигатель зашумел, Михалев по радио доложил дежурному в Главном управлении о ликвидации аварии. Не заходя домой, Михалев сразу поехал в Главное управление.

— Ну, хорошо, главный инженер, но только как исключение, а то ээки начнут командовать. — Коржев усмехнулся.

— Товарищ комиссар, в лагерях сотни бывших врачей, инженеров — серьезных специалистов. Часть из них практически доходяги. Давайте создадим конвойную группу из полезных для города ээков-спецов.

— Этак ты мне пол-Колымы освободишь. Кто золото мыть будет?

— От них все равно проку нет, а городу польза.

— Подготовь предложение и список. Смотри, аккуратнее, у меня народ больше к маузеру приучен... Борзые, мать их!..

Утром колонну из отобранных ээков под конвоем приводят в город и распускают по рабочим местам. К шести вечера они должны собраться у почты. На свой страх и риск Михалев включил в список совсем мальчишку — художника, получившего десять лет лагерей за карикатуру, под которой было помещено четверостишие:

*Все по плану, все по плану,
всем нас...ть по килограмму,*

а дают-то двести грамм!

Как нас...ть на килограмм?

«Тройка» [15] пожалела юность, а редактор газеты получил «высшую» [16].

В подвале книжного магазина, под охраной, зэк, на использованных в роддоме кусках клеенки, лежащих на столе, рисует маслом по фотографиям портреты детей начальствующего состава Дальстроя. Фотографии черно-белые, поэтому цвета глаз, волос и одежды художник выбирает по своему вкусу. Двойной фотопортрет, сделанный мастером, понравился художнику, но с цветом глаз Коли он не угадал, и вместо карих на клеенке появились *голубые*.

После месячного пребывания в горбольнице Долгин был оформлен вольнонаемным сотрудником технического отдела без права выезда из Магадана в течение пяти лет.

Однажды Михалев привел на обед домой сморщенного худенького человека. Очки его были привязаны шпагатом к ушам.

Профессор медицины Скобло еще до революции окончил медицинский факультет в Берлине. Этот энциклопедически образованный, нестигаемый, несмотря на внешнюю немощность, человек, получивший двадцать лет, и в лагерных условиях продолжал научную работу. С горящими глазами он рассказал о потрясающем случае, когда зэк, которого испугал медведь, потерял дар речи и принял облик зверя. Скобло установил причину заболевания и за несколько сеансов вернул зэку человеческий облик.

За чаем в семье Михалевых расслабившийся профессор в лицах рассказал, как на Чукотку прибыла «тройка» для разоблачения врагов народа, обосновавшихся на северо-восточном рубеже страны. «Старший “тройки”, Скоробогатько, озвучил задачу — в три дня раскрыть подполье, готовящее покушения на членов

правительства. Второй член “тройки”, Тосун, бывший ветеринар, проявив находчивость, сразу вышел на руководителя подполья. Им оказался семидесятитрехлетний лекарь Сретенский, который еще студентом, по наказу своих товарищей из кружка народников и по велению сердца, приехал на Чукотку спасать чукчей от цинги и бытового сифилиса.

— Ты кто? — опытный Скоробогатько леденящим взглядом смотрел в глаза врагу народа.

— Вы имеете в виду имя или профессию? — переспросил Сретенский, поправляя очки.

— Не придуривайся! Ты враг народа, и нам все известно, — взял быка за рога Тосун.

— Я народник и не могу, простите, быть врагом народа! — Сретенский выпрямился, поднял голову и снял очки.

— Кто тебя послал с заданием?

— Наш учитель Чернышевский Николай Гаврилович [17]! — не без гордости произнес лекарь.

— Адрес твоего Чернышевкина?

— Он умер в 1889-м году.

— Хочешь за ним? Ты, народник сраный, ваньку не валяй, — вмешался третий член “тройки”, Фунтов, отчисленный два года назад из авиационного училища по профнепригодности.

— Ты готовил покушение на членов правительства! — уверенно сказал Скоробогатько, вернув в свои руки ход допроса.

— Простите, я не понял, — искренне удивился Сретенский. — Для совершения акта они должны были приехать ко мне, или я к ним?

— Полетаешь, приземлишься и сообразишь, кто к кому должен ехать, — с ухмылкой произнес Фунтов, который еще по дороге на Чукотку придумал, как применить свои знания авиадела.

Старику приказали раздеться, вдоль тела привязали две жерди, а поперек, на уровне груди, доску, так что образовалась конструкция, напоминающая самолет: фюзеляж — жерди и худосочное тело старика, крылья — доска с привязанными к ней его руками. Взявшись за “крылья” и “хвост” “самолета”, “тройка” стала исполнять пилотажные фигуры. У старика судорожно дергалась голова. Как рыба, оказавшаяся на берегу, он беззвучно хватал воздух побелевшими губами. Из рта периодически выбрасывалось зловонное содержимое желудка. Бойцы вошли в раж, громко изображая шум мотора, и не сразу поняли, что топливо иссякло. Иван Афанасьевич Сретенский, законорожденный сын учителя гимназии, увидевший свет в 1864-м году, оказался неподготовленным к полету в году 1937-м».

Нарком рукой показал Берзарину на портрет вождя в военной форме и жестом предложил сесть.

— Читал твою докладную. Хорошо съездил, докладывал Самому. Ну, наворотил карлик [18]. Спасибо товарищу Сталину, убрал гниду. Есть задание вождя. Надо по лагерям разыскать и отобрать бывших командиров и военспецов Красной армии, готовых на фронте искупить свою вину перед партией. Особое внимание нужно обратить на отличившихся на Хасане и в финскую. Я Коржева вызвал, он Колымой командует. Есть еще личное задание: разыщешь ученых и инженеров по списку, они будут в закрытых местах работать на оборону. С Коржевым полетишь, у него самолет. Разберешься кто злобу затаил. Сам понимаешь, тут ошибки не должно быть. Потому тебе и поручаю, с тебя и спрошу, если что...

Весь перелет комиссары молчали. Сразу после взлета выпили коньяка и закусили бутербродами с сыром, сырокопченой колбасой и осетриной. Перед посадкой в Хабаровске Коржев повернулся к спутнику:

— Знобит меня. Предлагаю заночевать здесь. Одного человека взять нужно. Со мной будет жить. Артистка, но достойная женщина. А с женой я договорился, ателье пошивочное ей дал в Магадане, пусть заведует. Столько лет прожили, еще с гражданской... В двадцать втором я на Кавказе полком командовал. Там и срослось у нас. Когда меня после смерти Ильича в чрезвычайную направили, я ее с собой взял. В Хабаровске, когда осели, я сына попросил. Но не получилось. Видать, гражданская свое сделала... Узнал, что она в церковь тайком молиться ходит. Пригрозил... В ногах валялась, чтоб не тронул попа. С той поры у нас с ней наперекосьяк пошло. А тут встретил...

В семь утра они курили у самолета. Подъехала эмка, из нее вышла стройная молодая женщина в каракулевым манто и белом пуховом платке.

— Луиза. — Она протянула Берзарину руку в варежке и поднялась в самолет.

— Давно знакомы? — спросил Берзарин.

— Второй год... Война, дел по горло, золото надо мыть, а тут давление стало прыгать... Тянет меня к ней. Вот и решил: легче станет, если она рядом. Может, родит. Еще пяток лет, и поздно будет в отцы оформляться. Вдарит по мозгам или мотору, — Коржев постучал по груди, — не до детей будет... А ты женат?

— Был... Мы не здесь работали... Я все больше на перекладных. — Берзарину понравилось, что Коржев перешел на «ты».

— Вспомнил, у меня для наших дел по лагерям человек есть... Михалев. Главным инженером большого завода был... К нам по контракту приехал. Думаю, от беды смотался.

Берзарин остановился в особняке Коржева. Сразу после ужина они поехали в Главное управление. В по-

ловине третьего ночи адъютант привел Михалева в кабинет Хозяина.

— Вот о ком я тебе говорил, — Коржев повернулся к Берзарину.

— Будем работать. Нужна ваша помощь. — Берзарин встал и внимательно посмотрел на вошедшего.

— Я готов, — Михалев по-военному вытянулся.

Утром Берзарин вызвал начальника управления кадров.

— Кто у тебя по семьям ИТР в городе работает?

— Хохлова, Цыбин.

— Кто такие?

— Хохлова в загсе, Цыбин в школе.

— Как только с Трассы вернусь, Хохлову ко мне.

На Трассе, в домике начлага, Берзарин и Михалев сидят за столом. Трещат дрова в печке. Входит начлаг.

— Товарищ комиссар, одного нашли из списка... Комбриг, совсем дошел, активировать [19] будем, если успеем. Было несколько... в прошлый раз... саботаж... Сказать, чтоб чай подали или сразу пельмени?

— Чай утром пьют, а сейчас что покрепче — и пельмени.

— В момент, товарищ комиссар! — Начлаг открыл дверь — Трали-вали, засыпай!

— Кто такой? Пятьдесят восьмая [20]? — Берзарин поднял голову.

— Никак нет, товарищ комиссар. Двойное убийство.

Из командировки Михалев вернулся воодушевленный.

— Надюша, давай по рюмке... Из Москвы приехал толковый комиссар. К нам на завод в Запорожье приезжал один, ничего не хотел слушать. Я тогда думал, мне крышка. А этот слушает и слышит. — Они чокнулись. — Личный представитель Берии, живет у Коржева.

— Ну и хорошо.

— Комиссар Берзарин, — задумчиво сказал Михалев.

Надя вздрогнула, вытерла тряпкой стол и вышла на кухню.

Поздним вечером кадровик представил Берзарину Нину Хохлову. Комиссар глазами показал кадровику на дверь и, дождавшись когда тот вышел, внимательно посмотрел на женщину.

— С какими семьями работаете? В военное время надо быть особо бдительными... Семья Михалевых вам известна?

— Да, товарищ комиссар.

— Михалев бывает в лагерях, общается с зэками. Он выполняет государственное задание. Надо, чтобы был в рабочем состоянии. Как у него дома?

— Я в хороших отношениях с женой Михалева, бываю у них дома. Двое детей. Но жена Михалева, Надежда Мироновна, много болеет. Сам Михалев все время на Трассе.

— Ей надо помочь. Организуйте мне встречу с ней, только у себя дома, чтобы не испугалась. Ей муж, наверно, рассказывает о своих поездках. О его работе... — Берзарин поднял указательный палец, — никому.

— Я понимаю, товарищ комиссар.

Нина зашла к Михалевым. Ребята из стульев и одеял посреди комнаты строили автомобиль. Крышка от бельевого бака — руль. Это была их любимая игра, когда мать не пускала на улицу. Сережа всегда за водителя. На кухне Нина тихо сказала Надежде:

— Тебя хочет видеть большой начальник из Москвы. Будет вечером ждать у меня дома. Он по поводу Володи.

У Нади сжалось сердце. Как всегда, после ужина Михалев ушел на службу. Надя причесалась и пошла с

ребятами на Портовую. Возле дома стояла эмка. Нина помахала ей рукой из окна и спустилась на улицу.

Когда Надя вошла в комнату, Берзарин сидел за столом.

— Здравствуй, Коля! — у женщины дрожали руки.

— Здравствуй... — Он опустил голову. — Есть обстоятельства... — Берзарин взял папиросу, размял ее и положил на стол. — Прости, я себе не принадлежу...

— Я все понимаю... Извини, пойду, ребята одни на улице.

Берзарин встал, смял коробку папирос «Казбек», походил по комнате. Вошла Хохлова.

— Вот адрес до востребования, по которому в особых случаях телеграммой можно со мной связаться. Никому его не давать. — Комиссар смотрел в окно.

Уже целый месяц Надю мучил кашель, утром она вставала потная, а вечером поднималась температура. Нина настояла, чтобы Надя сходила в поликлинику на консультацию к Скобло. В поликлинике сказали, что, по распоряжению Хозяина, профессора и двух медсестер отправили на материк. У Нади оказалась запущенная форма двустороннего воспаления легких.

Михалев вернулся с Трассы и сразу в больницу.

— Я плохая мать и никудышная жена! — Надя закрыла глаза.

— Все нормально будет. Войне скоро конец. Пацаны уже большие. Мне опять на несколько дней на Трассу надо. Нина за ребятами присмотрит. С завтрашнего дня домработница будет ходить с восьми утра до шести вечера. В управлении кадров договорился. Интеллигентная женщина. Преподавательница английского, «член семьи» [21].

— Врача позови... Плохо мне... Иди к ребятам. — Надежда отворачивается к стене.

Вечером Хохлова принесла морс из морошки.

— Вот как меня Бог наказал. Прости меня, Ниночка. Ты сына хотела, вот пусть Коленька... с тобой живет. Запуталось все, тьма непроглядная... А Берзарин ушел, совсем ушел. Не нужна я ему... Это его сын. В тумбочке иконка Николая-угодника... Берзарина увидишь, отдай... — Она закрыла глаза.

На похороны Михалев детей не взял, они остались с домработницей. Михалев попросил Нину помочь разобрать вещи жены и уехал на Трассу. В альбоме Нина нашла две одинаковые фотографии детей, одну взяла себе. После двух бессонных ночей она решилась и послала короткую телеграмму: «МИХАЛЕВА СКОРОПОСТИЖНО УМЕРЛА тчк КОЛЯ ВАШ СЫН тчк ЖДУ УКАЗАНИЙ тчк ХОХЛОВА».

Через неделю пришла телеграмма-молния: «ПРИБУДУ МЕСЯЦ зпт НИКАКИХ РЕШЕНИЙ тчк МИХАЛЕВ УЗНАЕТ ВСЕ МЕНЯ».

Берзарин привез ящик орденов для вручения отличившимся сотрудникам Дальстроя за выполнение плана по добыче золота. С аэродрома он сразу поехал в Главное управление. Коржев встретил его внизу, у самых дверей. Комиссары обнялись:

— Извини, не встретил на аэродроме. Опять продуло на Трассе. Чихать от любого ветерка стал... Ну, как добрались?

— Болтанка была всю дорогу. Не волнуйся, награды не растряс. Перед отлетом был у наркома. Благодарит тебя лично. Скоро звания воинские у нас будут. Генеральские лампасы заказывай.

В кабинет Хозяина внесли ящик. Коржев кивнул адъютанту:

— Вскрой, только аккуратно. Тебе бы только лопату держать или маузер...

— В Москву за звездой героя сам полетишь. Верховный подписал. — Берзарин улыбнулся. — Я на столе у наркома Постановление видел.

Адъютант протянул Хозяину списки награжденных. Тот внимательно проглядел каждый листок и недовольно поднял брови:

— А почему Михалева нет? Вот засранцы! Обидели мужика...

— У него жена умерла.

— Война... у всех потери. А ты откуда знаешь?

— А где мы работаем?

— Небось и про меня стучат, борзые, мать их!

— Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку. —

Берзарин встал и подошел к окну.

— Кто золото дает, тот и музыку заказывает. — Коржев засмеялся.

Вечером Берзарин появился у Хохловой. Не раздеваясь, сел за стол.

— Как это случилось? — Комиссар закурил.

— Запущенное двустороннее воспаление легких. Она не лечилась и не боролась совсем... Оставила вот... — Нина протянула иконку.

— Устройте мне встречу с Михалевым... Коля — мой сын, и это главное... Помогите только на какое-то время. За материальную сторону не надо беспокоиться... Хотя нынче деньги недорого стоят.

— Хорошо. Я Колю возьму к себе. Что мальчикам сказать?

— Ничего. И Михалеву не говорите. Позовите сюда. Сам скажу, что надо.

На следующий день, в обед, мужчины встретились у Нины. На столе бутылка водки и закуска.

— Здравствуйте, Николай Владимирович. Новое задание? — Михалев посмотрел на стол. — Я готов.

— Владимир Андреевич, выслушайте меня спокойно... Мы мужчины и, полагаю, отнесемся к создавшейся ситуации здраво. Для начала давайте помянем Надежду Мироновну. — Они выпили стоя и не чокаясь. — Дело в том, что Коля мой сын. Давайте не вдаваться в подробности.

— Ничего не понимаю. Как это? — Михалев оторопело взглянул на Берзарина.

— Факт есть факт, и точка. Мой сын будет жить со мной. Некоторое время Коля поживет у Хохловой. Это будет правильно... Сейчас ребята не поймут, и надо им объяснить, что после смерти Надежды Мироновны придется на время пожить в разных местах, так как домработнице с двумя не справиться. Пусть отвыкнут друг от друга. Надю не вернешь, в тонкости входить бесполезно. Я знаю, что Сережа не ваш общий сын... У ребят свой путь.

— Что мне надо делать? — Михалев сел на стул, обхватил голову руками.

— Работать и решить самому, как жить дальше. Если что нужно от меня... Хотя понимаю нелепость своего предложения. — Берзарин встал.

Михалев съежился и, не прощаясь, вышел. Сердце то стучало, то останавливалось. Домработница на обеденном столе гладила постельное белье.

— Ребята где? — Михалев сел на кровать, не раздеваясь.

— В парке, смотрят, как с парашютной вышки прыгают. Скоро придут. Пошли со старшими, вполне приличными мальчиками. Я отпустила.

Перед отлетом Берзарин заехал к Хохловой и положил на стол конверт.

— Высылать буду ежемесячно. Если что — мне телеграмму... Она будет у меня через три-четыре дня. Вы работаете в загсе. Сможете переделать метрику Нико-

лая на мое имя, но чтоб никто не знал? Метрику новую у себя дома держите...

— Все сделаю, товарищ комиссар. — Нина вытянулась.

— Ну и хорошо. Здесь пусть сын живет как Михалев. В свое время уедет отсюда как Берзарин. Естественно, все держать в тайне. В жизни бывают ситуации, которые управляют нами. Это не красивые слова, за которыми я хочу спрятаться. Я ваш должник... по жизни. Спасибо, Нина.

От Берзарина пришла телеграмма: «СИЛУ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВЫЕЗД СЫНА ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ тчк ПОДЧЕРКИВАЮ ШКОЛУ ИДЕТ МОЙ СЫН».

Нина встретила с Михалевым на улице. Она рассказала про телеграмму и предложила записать мальчиков в разные классы.

Коротко лето на Колыме. За мостом через речку Магаданку — длинные штабеля дров, которые под охраной пилят и укладывают зэки. За штабелями, если подняться в горку, небольшая порожистая речушка Каменушка. Только смельчаки могут окунуться в ледяную заводь. Обрато идут гурьбой. Между штабелями ходят вооруженные стрелки. В момент, когда стрелок отвернулся от ветра и стал прикуривать, двое зэков схватили Сережку и затащили в теплушку. Кто-то из ребят успел позвать стрелка. Он появился, когда на мальчике остались одни трусики.

После школы — раздолье. Сегодня домработницы не будет. Сережа еще на школьной лестнице увидел, как за Дом культуры заехали сани-розвальни. Там был продуктовый склад, ребята у дверей подбирали куски подсолнечного жмыха — его полдня сосать можно.

Кучер укладывал в сани мешки.

— Садись, прокачу. Не бойся, она умная. — Кучер подмигнул мальчику.

Лошадь пошла рысью. Скоро они въехали во двор двухэтажного деревянного здания магаданской прокуратуры. Лошадь медленно подошла к воротам длинного сарая. От нее шел пар. Кучер достал из-за пазухи мешковину и заботливо вытер морду лошади. Вокруг глаз и ноздрей ее — ледяные нити.

— Опять пристыла, моя красавица... И тебе Колыма не в радость. Пойдем скорее. — Он открыл ворота. — Идем со мной. — Кучер кивнул Сережке, — тебя как звать?

— Сережа.

— А меня дядя Володя.

— Это кто? — удивляется Сережка.

— В первый раз кроликов видишь? Мои подопечные. Походи, погляди на эту публику. А я пока мешки занесу.

В самом углу сарая крошечная каморка размером два на полтора метра. Небольшое полупрозрачное оконце пропускает слабый свет. Здесь и живет дядя Володя.

— У тебя кто родители?

— Мамы нет. Она умерла, а папа на Трассе.

— В лагере?

— Нет. Мы сами сюда приехали.

— А кто раньше твой отец был?

— Он на заводе работал, в Запорожье. Мы с мамой в Москве жили, а папа к нам приезжал.

— Ты, я вижу, уже взрослый и умный парень... Так? — Дядя Володя внимательно посмотрел на мальчика.

Когда домработницы нет, Сережа после школы заходит в гости к дяде Володе. В тридцать восьмом комдив Обухов получил «высшую» за неосторожное высказывание, что настало время менять всех коней с гривами на стальных. Но приговор заменили на двадцать лет лагерей. Крепыша, легко играющего двухпудовыми ги-

рями, после пяти лет актировали и привезли в Магадан для отправки на материк в группе доходяг.

По счастливому случаю прокурор Магадана заехал за женой, которая работала заведующей школьной столовой. В доходяге, роющемся в мусорном баке, прокурор узнал своего командира.

— Владимир Иванович, я ваш ординарец Семенов. Вы мне рекомендацию в юракадемию давали. Не признали?

— Признал...

— Не оборачивайтесь, Владимир Иванович. Завтра в десять утра во дворе прокуратуры копайтесь в мусорном баке. К вам подойдут. Никаких вопросов. Делайте, что скажут. Будет возможность, отправлю на материк, а в трюме можно не добираться до Находки. Надо ждать.

Так зэк Обухов очутился в теплом сарае при кроликах, мясо которых было рекомендовано его ординарцу. Бывшие сослуживцы больше никогда не общались.

Сегодня Сережа принес дяде Володе из дома продукты, которые он брал по-тихому, и объявил, что скоро уедет с отцом на материк.

— Ты ведь мужчина и умеешь хранить военную тайну? Выполнишь задание тогда, когда сам поймешь... Раньше вы ведь в Москве жили?

— Мама говорила — недалеко от Кремля. Она Сталина видела.

— Ну вот и хорошо. Рядом с кинотеатром «Ударник» большой серый дом, его все знают в Москве. Из него Кремль виден... Запомни номер квартиры — сто тридцать шесть. Спросишь кого-нибудь из Обуховых. Расскажешь, что захочешь. Только это надо сделать тогда, когда сам решишь. Это и будет наша с тобой военная тайна... Хорошо?

— Ладно.

— По-военному отвечать надо: «так точно». Повтори.

— Так точно.

— Вырастешь, служить в армию пойдешь, а у тебя уже военная тайна есть. Что ко мне ходишь тоже военная тайна.

Утром Михалева вызвали к Хозяину.

— Чего ты вдруг надумал сбежать от меня? Обиделся, что не наградили? Исправим. В дописок включу.

— По семейным обстоятельствам.

— Знаю... Поможешь артистов набрать, и отпущу.

— В каком смысле? Блатных, что ли?

— В самом прямом. Театр будем делать. — Коржев усмехнулся. — Совет дельный один человек дал.

Труппу и музыкантов разместили в новых бараках, которые специально были построены по требованию Луизы. В бараках вместо нар были кровати с матрацами. Нашлись режиссер и дирижер «с именами», из Хабаровска спецрейсом доставили музыкальные инструменты. В подвале старого клуба Луиза отыскала рояль. Список требований ее расширялся: портные, художники, специалисты по сцене, костюмер, настройщик. Нашли даже двух гримеров. Богата Колыма, если по лагерным сусекам поскрести! Решено было к Октябрьским готовить праздничный концерт. Из лагеря привезли в Магадан известного певца Вадима Козина [22]. Но выступить ему Коржев не разрешил:

— Борзые рады будут весточку на материк отписать. Гоголи-Фонвизины, мать их.

В апреле сорок шестого Хозяин подписал заявление Михалева. Девятого мая Михалев и Сергей поднялись на борт «Советской Колымы». Когда в пятьдесят третьем объявили, что Берия и его ближайшие сподвижники — агенты империализма, Нина вновь переделала

свидетельство о рождении и аттестат зрелости. Теперь Николай Хохлов ее сын, а в графе «отец» — прочерк.

3.

...Осенью 2001 года судьба подарила мне короткую командировку в столицу «моей» Колымы. С магаданским губернатором В.И. Цветковым мы сидели на втором этаже административного здания, построенного на том самом месте, где шестьдесят лет назад из зеленых ворот выезжал «паккард» Хозяина Колымы, и обсуждали график поставки угля для магаданской ТЭЦ. Я решительно отказался от приглашения Валентина Ивановича поехать к нему домой на обед отведать котлеты из трубача [23].

— Ты хоть и профессор, а не знаешь, что трубач самый ценный белок, какой существует на севере.

— Мне нужно с «моим» Магаданом пообщаться. Полвека прошло, как расстались... Сколько событий в стране... Когда еще можно будет пройтись по двору, где обруч гонял. Не обессудь, Валентин Иванович!

— Ну иди, общайся... Я тебя еще на аффинажный завод отвезу. Раньше-то завода не было.

Я вышел на улицу и перешел дорогу, где когда-то уцепился за сани, которые увезли меня к кроликам дяди Володи. На месте «моей» школы — вещевого рынок. Во дворе «моего» дома за почерневшим от времени и колымской стужи «моим» сараем, мальчишки играли в футбол. Я поднялся на второй этаж «моего» подъезда и нажал кнопку звонка. Открыл худенький мальчик лет десяти.

— Кто-нибудь из взрослых дома есть?

— Они на работе.

Что я мог сказать ему? Что здесь шестьдесят лет назад зэк-профессор Скобло рассказывал о первом и последнем «полете» народника Сретенского, а член-корреспондент Академии наук Долгин демонстрировал,

как пить кипяток, по-лагерному хлебывая. И даже, если бы я поведал «это» юному магаданцу, которого от Сerezки, поднявшегося на борт «Советской Колымы», отделяют пять эпох, вряд ли бы он понял. И слава богу!

Время так безжалостно к прошлому. Уходят из жизни последние свидетели колымской людорезки... И фотографии нынче цветные, и цвет глаз не перепутаешь!

Колыма, Колыма... Синоним неправедных репрессий и край, поражающий суровой северной красотой. Проклятое место, земля, хранящая в недрах и кости несчетных тысяч невинных жертв, и неисчислимы богатства.

В этой истории изменены некоторые имена. Не дай Бог, чтоб внуки тех, кто стоял тогда по разные стороны колючей проволоки, подошли к барьеру. Но и не дай Боже нам в беспамятстве жить...

Мужчины и женщины, которым не по своей воле не суждено было вернуться на материк, пусть спят в колымской мерзлоте. Скольких Вавиловых и Мейерхольдов, и просто детей своих после колымской людорезки недосчиталась земля расейская!

Щедрая на таланты и так часто безразличная к их судьбе! Не случись беда колымская, может, и сериалы бы нынче другие были, и нарзан, а не «Аква Минерале» пили бы... Даже приговор может быть отменен. Лишь время неумолимо.

По земле российской ходят нынче красивые молодые люди, для которых «Колыма» и «перестройка» такие же малозначимые понятия, как для меня «гламур» и «тусовка».

Уже в наши дни у меня сложились теплые и доверительные отношения с губернатором И. П. Фархутдиновым — одним из самых ярких региональных лидеров новой России. Игорь Павлович был фанатично предан

делу и, если бы не авиакатастрофа, многое сделал бы для сахалинцев.

В 2002 году в Южно-Сахалинске готовились отмечать 55-летний юбилей образования области, в которую после поражения Японии в 1945 году были включены вся Курильская гряда и Южный Сахалин. У меня были моральные основания считать себя причастным к этой дате: ведь мой отец отдал жизнь за установление советского порядка на одном из южных островов гряды.

На юбилей направлялась большая делегация. Среди почетных гостей первый человек Земли, вышедший в открытый космос, дважды Герой Советского Союза А. А. Леонов. Моя поездка на Сахалин — пятая по счету. У нашей компании был успешный проект по нефтеперерабатывающему заводу «Петросах». В одну из таких поездок, пролистывая книгу по истории острова, я наткнулся на знакомое название судна. Речь шла о факте потопления японцами грузового парохода «Самарканд» в проливе Лаперуза до объявления Советским Союзом в 1945 году войны Японии.

Юбилейные торжества прошли пышно. На следующий день мы сидели с Игорем Павловичем в уютном кафе супернового отеля и говорили сразу обо всем. Я рассказал ему о бочонке с медом, который шестьдесят два года назад мама забыла в каюте «Самарканда».

Губернатор посмотрел на меня, улыбнулся великодушно и сказал:

— Зачем тебе Москва? В мегаполисе на себя, на свой карман пыжатыся. А у нас за край свой радеют. Помочь только народу надо, направить... Посмотрел бы, как у нас детские соревнования проходят. Приедешь — всю жизнь меня благодарить будешь. Время другое нынче.

Россия здесь! Страна еще спит, а тебе уже солнце улыбается... Приезжай... Обещаю: первый проект — подъем «Самарканда». Представляешь, как мед настоялся в бочонке? Чай с ним будешь пить, и с лимонником, женьшенем... У нас такие красивые женщины, столько кровей намешано... А кулинарки какие! Европа с Азией на наших кухнях толкаются, кто кого... Голодным не будешь, ответственно, как губернатор, обещаю! Морепродукты прямо из океана, свежак! Гарантирую — диабета и инфаркта еще минимум двадцать лет не будет, а там посмотрим, может, и старости не будет...

4.

А может, и впрямь махнуть — на Дальнем Востоке один не останешься, если человеком будешь, и России послужить напоследок — дело достойное!

Мама Нина в последнем письме написала: «Человек не знает своего времени». А я должен знать! Ведь это МОЕ время, сколько ни осталось, а МОЕ.

Примечания:

1. Л. П. Берия — см. прим. 41 к рассказу «Мой друг Вася». Во время ВОВ отвечал за добычу золота на Колыме, организацию закрытых институтов («шарашек»), где в статусе ЗЭКов работали на оборону инженеры и ученые.

2. «Столичная» — известная марка водки.

3. Владивосток (*быт. жарг.*).

4. Срок в 10 лет (*блатн.*).

5. Особо крепко заваренный чай из расчета одна пачка на стакан. (Используется как наркотик, в основном, в местах заключения.)

6. Неоднократно судимые соучастники преступлений (*блатн.*).

7. На отбытие срока в лагере, тюрьме (*блатн.*).

8. В лагере «клоуном» называют жертву издевательств со стороны уголовников (*блатн.*).

9. От сокращения «з/к», которое использовалось в официальных советских документах в период с 1920-х по 1950-е годы. Восходит к сокращению «заклученный каналоармеец», которое впервые появилось во время строительства Беломорско-Балтийского канала.

10. Смерть (*блатн.*).

11. Дом на набережной — официальное наименование «Дом правительства». Квартиры в доме предоставлялись членам ЦК ВКП(б), Комиссии партийного контроля, наркомам и их заместителям. Впоследствии в дом стали заселять военачальников, писателей и артистов, Героев Советского Союза, старых большевиков и пр. Известно, что многие комнаты дома прослушивались.

12. М. С. Наппельбаум (1869—1958) — выдающийся фотомастер, создавший собственную, только ему присущую творческую манеру исполнения студийного фотопортрета.

13. В обиходе: бродяги, отчаянные; прозвище русских полицейских, по имени Н. П. Архарова — московского обер-полицеймейстера в конце XVIII в.

14. Покойник (*блатн.*).

15. Комиссия из трех человек, как правило, сотрудников НКВД, выносившая внесудебные, нередко расстрельные приговоры в СССР в 1930-х годах.

16. Высшая мера наказания — расстрел.

17. Н. Г. Чернышевский (1828—1889) — русский философ-утопист, революционер-демократ, ученый, литературный критик, публицист и прозаик.

18. Рост Ягоды (в 1934—1936 годах нарком внутренних дел СССР) составлял 146 см.

19. Заключенных, находящихся в степени крайнего физического истощения и не способных выполнять какую-ли-

бо физическую работу, «активировали», т. е. отпускали из-под стражи, чтобы не увеличивать процент смертности. Как правило, они были не жильцы.

20. По ст. 58 УК РСФСР осуждали за контрреволюционную и антисоветскую деятельность. Вынесение смертного приговора было обычным делом.

21. Осужденный (-ая) за принадлежность к семье «врага народа».

22. В. А. Козин (1905—1994) — популярный в СССР в довоенные и первые военные годы эстрадный певец (лирический тенор), композитор, поэт, автор нескольких сотен песен. Был дважды осужден (1944, 1959). Сроки отбывал на Колыме. До последних дней жил в Магадане, где открыт мемориальный музей певца.

23. Трубач — моллюск, обитающий в дальневосточных морях. Интерес к этим животным возник в глубокой древности, с ними связано много легенд и поверий. На иллюстрациях средневековых книг наряду с русалками изображались завитые раковины трубачей.